

ЯПОНИЯ НА ПУТИ К УЧАСТИЮ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: ПЕРВЫЕ ШАГИ МОБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И КИТАЙСКИЙ ВОПРОС

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы мобилизации экономики Японской империи в 1930-е гг. Автор доказывает, что Япония шла по тому пути, который впоследствии будет назван кейнсианской моделью развития экономики. Но результат от применения фактически кейнсианских методов прежде администрации Рузвельта оказался другим: в Японии они не привели к столь же позитивным результатам. Одной из причин отставания Японии от Запада в вопросе мобилизации экономики автор считает слишком крупные инвестиции в Китай, что значительно снизило эффект антикризисных мер. Японская модель военной экономики имела схожие черты с итальянской и германской. Однако отличием японской военной экономики от остальных экономик великих держав периода Второй мировой войны стало то, что страна делала крупные капиталовложения в оккупированные территории. Автор выделяет продолжавшийся практически до 1937 г. период в экспансии Японской империи, когда преобладали интересы бизнеса в захвате новых рынков сбыта для продукции легкой промышленности и осуществлялись крупные японские капиталовложения в легкую промышленность Китая.

Ключевые слова. Вторая японо-китайская война, Японская империя, Великая депрессия, военная экономика, мобилизация экономики, японский милитаризм.

G. G. Popov

Moscow Technology Institute,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

JAPAN ON THE WAY TO PARTICIPATION IN WORLD WAR II: FIRST STEPS TO MOBILIZATION OF THE ECONOMY AND THE CHINA QUESTION

Abstract. The article discusses the mobilization of the economy of the Japanese Empire in the 1930s. The author argues that Japan was on the path that will later be called a Keynesian model of economic development. But the result of applying Keynesian methods was different actually. Japan has used methods of regulation of economy before the Roosevelt administration in the United States, however, these methods have not led to equally positive results in Japan. The author considers tremendous investments in China, which significantly reduced the effects of anti-crisis measures adopted by the Japanese government in the 1930s, as one of the reasons for the lag of Japan from the West in the matter of mobilization of the economy. The author shows that the Japanese model of the war economy had similarities with Italian and German. However, the author proves that the unique peculiarity of the Japanese war economy from other economies of the great powers during the Second World War was that Japan made a major investment in the occupied territories. The author identifies the period of expansion of the Japanese Empire, when it was dominated by business interests to capture new markets for light industry products, this period lasted almost until 1937 and was accompanied by big Japanese investments in the light industry of China.

Keywords. Sino-Japanese war, Japanese Empire, the Great depression, economic policy in the 1930-ies, mobilizing the economy, the Japanese militarism.

Введение

В текущем году будет много юбилеев различных выдающихся исторических событий. Один из них —

это 80-летие так называемого инцидента на мосту Марко Поло (Лугоу), перестрелки японских и китайских (гоминдановских) солдат, который произошел на окраине Пекина 7 июля 1937 г. С этого локального военного конфликта началась вторая японо-китайская война 1937–1945 гг., а фактически — Вторая мировая война на Дальнем Востоке. В связи с этим юбилеем есть смысл обсудить некоторые вопросы экономической истории Второй мировой войны. К сожалению, эта история изучается в основном на материалах Западной Европы, хотя на Дальнем Востоке война была продолжительнее и ненамного менее кровопролитной (потери одних только Китая и Японии составили порядка 20 млн человек).

Вопросы мобилизации экономики Японии в 1930-е — первой половине 1940-х гг. недостаточно изучены в российской историографии. Дело в том, что историки избегают, как правило, экономических вопросов, также как и экономисты стремятся ограничиться своей сферой. Однако анализ причин побед и поражений государств в ходе мировых войн требует синтеза экономического и исторического знаний. Япония в этой связи представляет интерес не только для историков, которые занимаются мировыми войнами. Японский опыт должен быть интересен также и экономистам, поскольку Япония в период мировых войн продемонстрировала пример того, как «кейнсианская рецептура» не работала. Если правительство Ф. Рузвельта предприняло антикризисные меры в 1933 г., отказавшись от экономического либерализма, то Япония это сделала задолго до США, но результат оказался неудовлетворительным.

Внешнеполитическая экспансия Японии не привела к ожидаемому росту ее экономики. Японская экспансия в Китае в силу этого кардинальным образом отличается от опыта эксплуатации оккупированных территорий нацистской Германией. Как и почему ре-

цептура государственной экспансии в экономике не сработала в случае с Японией в 1930-е и первой половине 1940-х гг.? На этот вопрос мы и пытаемся ответить в настоящей статье. По сути, именно провалы в экономической политике спровоцировали поражение Японии во Второй мировой войне, наглядно продемонстрировав ее народу, что милитаризм есть путь в пропасть.

Тема участия Японии во Второй мировой войне разрабатывается в России в основном в работах профессора А. А. Кошкина, экономические ее аспекты рассмотрены им в монографии «“Кантокуэн” – “Барбаросса” по-японски. Почему Япония не напала на СССР» [1], однако – в контексте подготовки Японии к войне с Советским Союзом. В одном параграфе нашей монографии «Поражения, которых могло не быть. Эпоха мировых войн» мы затронули вопросы экономической подготовки и мобилизации Японии в 1930-е – начале 1940-х гг. [2]. Суть нашей гипотезы, объясняющей, почему Япония не напала на СССР, сводится к тому, что Японская империя увязла к августу 1941 г. в войне в Китае, чему в немалой степени способствовали и провалы в экономической политике Токио.

Большая экономика и борьба государства с экономическими болезнями

Возникший в эпоху Мэйдзи строй Японии ориентировался на то, чтобы догнать Запад посредством заимствований его достижений, для чего требовалась как сырьевая база, так и новая организация экономики. На смену купцам и ремесленникам быстро должны были прийти корпорации, что означало образование олигопольных и монопольных рынков. (До конца XIX в. олигополии и монополии не считались в политической экономии рынками, вытеснение свободного ценообразования считалось просто разрушением рынка в пользу хозяйственных иерархий, после 1950 гг. Дж. К. Гэ-

лбрейт назовет этот процесс стиранием границ между капитализмом и социализмом, конвергенцией систем.)

Вехой в развитии государственного капитализма в Японии стал «Закон о контроле промышленности» от 1931 г., предписывавший картелирование практически в большинстве ее отраслей. Картелирование позволило установить квоты на выпуск продукции и нижний потолок цен. В 1938 г. в Японии вышел «Закон о национальной мобилизации», в рамках которого для борьбы с инфляцией был введен потолок цен, а в 1941 г. государство заменило картели «торговыми ассоциациями», наделив себя правом напрямую распределять ресурсы между компаниями и отраслями народного хозяйства. В общей сложности контролю подверглись цены на 50 тыс. наименований [5, р. 32].

Как и в Германии, контроль над ценами привел в Японии к росту количества сделок на черном рынке. Столь же малоэффективной оказалась такая мера как замораживание зарплат. У Японии не было механизма согласования действий между работодателями и работниками, поэтому сфера труда оказалась слабоуправляемой. В сфере регулирования сельского хозяйства государство прибегло к компенсационным выплатам крестьянам и помещикам за рис, что сделало установление верхнего потолка цен малоэффективным на уровне всей национальной экономики [5, р. 32]. Из-за возросшего дефицита риса Японии пришлось прибегнуть к массовому вывозу этого продукта из Юго-Восточной Азии через Южно-Китайское море. Пролегавший через это море маршрут получил название «Линии жизни», поскольку импортировавшийся по нему рис обеспечивал 50 % потребления этого продукта в японских городах [Ibid, р. 34].

Как ни странно, но в США ассоциации в бизнесе не сыграли такой большой роли в мобилизации экономики в годы Второй мировой войны, как в Японии, Италии и Германии. Администрация Рузвельта реали-

зовывала проекты в военной сфере через специальных агентов (*businessmen-cum-civil servants*) в деловой среде [8, p. 78–90].

Тем не менее, нельзя связывать интервенцию государства в японскую экономику только со Второй мировой войной. Все гораздо сложнее.

Великая депрессия в Японии началась до краха на Уолл-Стрит в конце октября 1929 г. В марте 1927 г. Японию потряс банковский кризис, когда банковскую систему страны накрыла волна «бегства депозитов», тогда разорился каждый третий японский банк. Государство ответило в 1928 г. на финансовый кризис «Банковским законом», согласно которому количество банков в стране было ограничено, фактически контроль над финансами взяли пять крупнейших финансовых групп, среди которых была и известная ныне «Мицубиси».

С целью сокращения национального долга японское правительство в 1929 г. отказалось от запрета на вывоз золота из страны (закон, позволявший государству регулировать вывоз золота, был принят в Японии еще в 1917 г.). Это должно было привести к девальвации йены, но через три месяца случился обвал на Нью-Йоркской бирже, который спровоцировал обвал Токийской фондовой биржи: средняя стоимость ценных бумаг упала на японском рынке до 44,6 % в 1930 г. от уровня января 1921 года [14, p. 86]. В 1930 г. ВВП Японии сократился на 18 %, инвестиции в промышленность на 31 % [7, p. 422], производство в аграрном секторе, где было занято 70 % населения страны, упало почти вдвое к 1931 г.

Японское правительство принимало меры в духе государственного интервенционализма, к чему на Западе призывал политиков Дж. М. Кейнс. С 1931 по 1936 г. расходы государственного бюджета Японии выросли на 200 %, достигнув 76 % от национального дохода [7, p. 422]. Произошло это во многом за счет роста

военных расходов, которые в 1931 г. составили 30,8 % от бюджета правительства, а в 1936 г. — уже 45,8 % [14, р. 86]. В абсолютном измерении в 1937 г. военные расходы Японии составили 3,452 млрд иен, тогда как в 1931 г. — только 1,477 млрд иен [11, р. 17]. Однако такие большие расходы привели к росту государственного долга, что неминуемо привело к увеличению дефицита платежного баланса с 57 в 1932 г. до 636 млн иен в 1937 году [Ibid, p. 203].

Картелирование также не являлось чем-то новым до Великой депрессии в Японии. Малые временные картели появились во время первой японо-китайской войны (1894–1895 гг.) среди мелких фирм-экспортеров, однако эти картели не были долговечны. Известны также картели в текстильной промышленности, появившиеся после реформ Мэйдзи, но они контролировали только сбыт на конкретно установленные даты. В тяжелой промышленности картели появились после русско-японской войны 1904–1905 гг., но они контролировали только цены на готовую продукцию. Даже после Первой мировой войны картелирование не было столь сильно развито, зато получила распространение другая достаточно оригинальная форма объединения бизнеса — дзайбацу (*zaibatsu*), которые включали в свой состав фирмы из разных отраслей.

Дзайбацу были наследием реформ Мэйдзи, изначально эти объединения возглавляли главы крупных купеческих кланов, связанные с правительством. К таковым относились фирмы «Митсуи» и «Мицубиси», которые стали монополистами. Однако японское правительство в период Мэйдзи понимало, что у таких монополий нет сил, пусть и при поддержке государства, модернизировать экономику. Поэтому власти стимулировали рост малого бизнеса в регионах, освободив малые и средние фирмы от налогов на период 1884–1902 гг., что позволило японской экономике избежать быстрого почти тотального карте-

лирования промышленности, как это случилось в кайзеровской Германии [7, p. 427].

В 1931 г. «Закон о контроле промышленности» позволил государству в принудительном порядке включать фирмы в картели, а также распускать картели. Если в 1930 г. в Японии было 49 картелей, то в 1933 г. их стало 110. Японские экономисты до и после войны вполне справедливо определили причины депрессии в японской экономике — это сильная конкуренция на фоне избытка производственных мощностей, возникшего в конце Первой мировой войны. Дошло до того, что в 1920-е гг. некоторые фирмы продавали продукцию по цене ниже себестоимости, чтобы демпингом «утопить» конкурентов. Государство, таким образом, законами 1927 и 1931 гг. спасало бизнесменов от них самих же, чтобы спасти буржуазное общество и рыночную экономику, так как в городах нарастали забастовочное движение и активность левых. Министр коммерции и промышленности в начале 1930-х гг. Нукаяма Кузамачи поставил задачу сбалансировать спрос и предложения через «обуздание безумной конкуренции» [Ibid, p. 426].

Если мы отметим на шкале оценок степени свободы капиталистического хозяйства в период 1870–1931 гг. США, Германию и Японию, то Япония окажется посередине (так как государство все-таки поддерживало таких монополистов как «Мицубиси»), опережая по степени свободы Германию, так как при кайзере там было сильное картелирование. Японская экономика уже до Первой мировой войны ориентировалась на экспорт, быстрое перенесение кризиса из США в 1930 г. на Японию объяснимо тесной связью японской экономики с североамериканским рынком, поэтому японские деловые круги задумались о создании свободной для японской торговли зоны в Азии. Этому способствовало, на наш взгляд, достаточно серьезное обстоятельство — быстрый рост дальневосточных экономик в 1920–1930-е гг.

Военная мобилизация экономики

С 1932 г. (включительно) по 1936 г. (включительно) японские военные расходы стабильно колебались около отметки 5,5 % от ВВП страны, а в 1937 г. они подскочили до 13,8 % от ВВП [13, р. 1117]. Это указывает на то, что, по крайней мере, до второго полугодия 1936 г. японское правительство было спокойно за свои владения в Китае, не воспринимая всерьез угрозу для них со стороны Чан Кайши. В отличие от нацистской Германии, Японская империя не наращивала монотонно до 1937 г. военных расходов.

Еще до начала нацистской диктатуры германские компании, связанные с государством, вкладывали большие средства в развитие импортозамещающих производств, а при нацистах этот процесс приобрел еще больший размах. Япония же в 1930-е гг. продолжала придерживаться практики свободной торговли, хотя и с серьезными поправками (средний таможенный тариф был поднят до 21 % в 1933 г., на некоторые товары ввозной тариф доходил до 100 % от стоимости [15, р. 551]). С 1927 до 1936 г. включительно Япония импортировала ежегодно минерального сырья на сумму почти 260 млн йен, ее ежегодный импорт продовольствия достиг еще более внушительной суммы в 461,1 млн йен [Ibid, р. 550]. Если до войны нацисты в Германии шли по пути повышения производительности сельского хозяйства своей страны с целью замещения импортируемой аграрной продукции своей национальной, то Япония выбрала своеобразный путь — «экспорт» излишков крестьянского населения в колонизируемый северный Китай.

В промышленности японское правительство в 1932–1933 гг. сделало ставку на протекционизм в сфере тяжелой индустрии и металлургии. Такая политика в отношении выплавки металла вела к пагубным последствиям для экономики, так как цены на это сырье и полуфабрикаты из черных металлов стали расти на

внутреннем рынке. Metallургия стала выкачивать ресурсы из экономики, однако нехватка металла все-таки ощущалась, что толкало японских военных к мысли о внешней экспансии империи [15, p. 551].

Примечательно, что, несмотря на мероприятия правительства по индустриализации страны, делавшиеся еще со времен Мэйдзи, японский экспорт в 1930 г. почти весь состоял из продукции легкой промышленности, достигнув показателя почти 1,87 млрд йен [Ibid, p. 552]. Это указывает на то, что японский бизнес и не стремился к конкуренции на внешних рынках в сфере продукции тяжелой индустрии. Ускоренная регулируемая государством индустриализация привела к росту цен в стране из-за скачка во второй половине 1930-х гг. цен на импортируемое сырье, японская военная промышленность с ее ростом спроса на металлы и повышенный таможенный тариф сделали свое дело. Реальная оплата труда в обрабатывающих отраслях упала к 1940 г. на 39,9 % по сравнению с 1929 г. При этом прирост занятости составлял в 1929–1940 гг. лишь 1,08 % [Ibid, p. 556].

Снижение реальной заработной платы позволяло в 1930-е гг. японской военной промышленности добиваться высоких, по сравнению с предыдущим десятилетием, результатов на фоне относительно невысоких затрат правительства на военные нужды. Незначительный ежегодный прирост рабочих мест заставлял японских рабочих больше и усерднее работать, нежели это делали их коллеги в западных демократиях, в нацистской Германии и фашистской Италии. Уже в январе 1939 г. японской авиационной промышленности удалось добиться выпуска 306 самолетов, что, по европейским меркам, было хорошим результатом. В начале 1930-х гг. японское авиастроение могло освоить выпуск только 100–200 самолетов в год. В 1944 г. японской авиационной промышленности удалось довести выпуск до рекордной отметки 24 тыс. самолетов

в год [10, р. 976], почти догнав по среднегодовому масштабу выпуска Великобританию [9, р. 99].

Ясукичи Ясуба пришел к выводу, что рост японской экономики носил аномальный и экстенсивный характер — военная промышленность и тяжелая индустрия росли преимущественно за счет замедления темпов роста гражданского сектора [15, р. 556]. Но возникает вопрос, почему не работал мультипликатор? Мы ниже намерены доказать, что дело было не только в увеличении доли расходов на выпуск военной продукции, но и в инвестициях в Китай и другие заморские владения империи, они в значительной степени «гасили» эффект мультипликатора в самой метрополии, приводя экономики подконтрольных Японии территорий к росту.

Японская экспансия в Азии до 1930 г. была необычной и больше напоминала английскую экспансию в Индии в XIX в. Японцы не стремились заселять крупные территории: хотя у них и были небольшие колонии в Харбине и других городах Китая, но японцы там выполняли функции технического вспомогательного персонала и военизированной администрации. В этом смысле китайская колонизация (например, в Юго-Восточную Азию) в прошлом веке коренным образом отличалась от японской, она имела своей целью заселение новых территорий китайцами.

В отличие от Германии во Второй мировой войне, Япония имела меньше возможностей перекладывать издержки войны на другие народы, Китай не был за всю войну полностью завоеван, и его население было преимущественно бедным, экономика неразвитой, это не передовые во всех смыслах Бельгия или Нидерланды. Это обстоятельство усилило еще до вступления Японии во Вторую мировую войну процесс социализации индивида.

Как вспоминал Нироми Арисава (ведущий в годы войны консультант японского правительства), перед

ним еще в 1936 г. была поставлена задача определить пределы роста военных расходов. Арисава так и не решил эту задачу, ответив, что экономика обладает достаточной гибкостью, чтобы приспособливаться к росту госрасходов, но сокращение уровня расходов населения на 10 % (имелся ввиду бюджет средней японской семьи) может дать 1,5 млрд йен для ведения войны. Однако Арисава сказал, что вопрос весь в том, сколь долго люди смогут терпеть снижение жизненного уровня [12, p. 43].

Вопрос, упомянутый выше, был задан Арисаве до «инцидента на мосту Марко Поло», когда Япония официально еще не объявила войну Китаю, а японо-китайское противостояние называлось просто инцидентами. Впрочем, опыт экономической мобилизации населения у Японии уже имелся. В эпоху Мэйдзи правительство создавало сберегательные банки, пропагандируя среди населения идею делать сбережения ради будущего страны. В разгар русско-японской войны правительство обратилось к японскому народу больше сберечь, чтобы не загонять страну в долги перед иностранцами; правда, насколько эта пропаганда оказалась эффективной, не известно.

В 1906–1918 гг. правительство Японии осуществило программу «Регионального улучшения», в рамках которой крестьянам было рекомендовано экономить. Японский менталитет таков, что большинству японцев не требуется прямого официального принуждения для выполнения воли государства. В 1920 – начале 1930-х гг. правительство снова осуществляло «кампанию за сбережения», рекомендуя семьям городских обывателей больше сберечь и отказаться по возможности от слишком дорогих покупок. Еще в 1880-е гг. правительство Японии запустило практику создания местных сберегательных ассоциаций (*chochiku kumia*). Эти ассоциации приучали своих участников в принудительном порядке каждый месяц делать сбережения.

Эта идея появилась в Германии в эпоху Бисмарка из-под пера экономиста Пауля Майета, но в Японии она нашла реально хорошую почву, так как в японских сельских и городских коммунах было проще заставить семьи среднего достатка и даже бедняков делать сбережения [12, р. 47].

Смысл принудительной экономии заключался в идее реформаторов эпохи Мэйдзи, что Япония сможет быть независимой от Запада, если у нее будет достаточно своего национального капитала, в противном же случае она попадет в зависимость от иностранных кредиторов и инвесторов. Тем не менее, до 1920-х гг. сберегательные ассоциации охватывали в основном японских крестьян, которые были зависимы от воли местных помещиков.

В годы Великой депрессии правительством была запущена «Кампания по экономической реабилитации», что подразумевало под собой создание на уровне муниципалитетов специальных комитетов для попавших в сложное положение японцев, чтобы помогать расплачиваться с долгами и делать сбережения.

19 апреля 1938 г. японское правительство объявило кампанию борьбы за рост сбережений населения, планировалось довести сбережения до 8 млрд иен, чтобы из них финансировать военный бюджет [Ibid, р. 51].

До 1937 г. японские власти надеялись, что их военные расходы, как в русско-японскую и Первую мировую войны, будут финансироваться из Лондона и Нью-Йорка, что делало бы войну для японского народа необременительной (ведь Первую мировую войну японцы вообще вспоминали как время «бума и процветания»). Но американские и британские банкиры отказали в кредитах Токио, отдав предпочтение Китаю.

Соответственно, кампания за сбережения 1938 г. была разделена на три группы мероприятий: распространение облигаций военного займа, направление финансовых ресурсов на военное производство, обу-

здание инфляции через сдерживание роста покупательной способности населения.

Специально созданный комитет по борьбе за сбережения развил в стране мощную пропаганду. Это в итоге привело к тому, что 75 % военных расходов Японии финансировалось за счет внутренних займов, то есть сбережений. В 1944–1945 гг. эта доля была доведена до 80 %, в то время как главные противники Японии – США и Британия – финансировали свои военные расходы на 50 % за счет налогов. Надо сказать, что такая же пропорция в финансировании военных расходов за счет внутреннего долга была в нацистской Германии – 75%, в значительной степени бюджет фашистской Италии опирался на тот же источник [12, р. 53]. Однако внутренний долг финансировался населением Японии в основном не напрямую, а через продажу гособязательств банкам, которые хранили сбережения населения.

Финансирование за счет сбережений было вынужденной мерой, так как фирмы и население уже и так вынуждены были много платить государству. Как выразился в 1938 г. замминистра финансов Ишигава Сотаро: «Если мы повысим налоговое бремя до 4 или 5 млрд йен, как и повысим добровольные сбережения до такого же уровня, весь ад обрушится на нас» [Ibid, р. 55]. Таким образом, возможности для роста налогов были исчерпаны уже в начале официально объявленной войны с Китаем.

К моменту капитуляции сбережения японцев, несмотря на инфляцию, достигли огромной суммы – почти 67,4 млрд йен против 7,333 млрд йен в 1938 г. [Ibid, р. 56]. Это связано с тем, что с 1940 г. японские власти все в большей степени стали применять методы принудительного сбережения, оказывая давление на муниципалитеты и работодателей.

Проводившиеся японским правительством с 1938 г. и ранее мероприятия не дали того эффекта, что

Япония превзошла по доли военных расходов в национальном доходе своих противников, они оставались на уровне примерно 25 % на начальном этапе Второй мировой войны. Но и такого результата Японии удалось достичь во многом благодаря снижению потребления населения, уровень жизни которого, по оценке японских экспертов, оказался в конце 1940 г. на 40 % ниже, чем в 1936 г., — японцы стали жить хуже, чем даже до Первой мировой войны [5, р. 30].

Таким образом, уже ближе к середине 1930-х гг. Японская империя продемонстрировала ту черту «фашистской экономики», которая, с одной стороны, дала ей временный подъем, но, с другой, привела к появлению долгосрочных диспропорций, толкавших национальное хозяйство к кризису; мы имеем в виду эксплуатацию оккупированных территорий.

Неудачная внешняя экспансия

В 1931 г. Японская империя включила в своей состав Маньчжурию, которой формально с 1932 г. были предоставлены права суверенного государства (Маньчжоу-го). В экономической сфере Маньчжурия утратила окончательно свободу, когда в 1935 г. маньчжурский юань был приравнен к японской йене, это означало установление полного контроля ЦБ Японии над маньчжурскими финансами. До этого Япония ввела повышенный ввозный тариф для товаров из Китая. Торговля с СССР и Маньчжурией также была сведена к минимуму к 1932 г.

Однако, как и в случае с германской оккупацией европейских стран, в Маньчжурии началась инфляция, которая стала особо остро ощущаться в 1943–1944 гг. Эта инфляция была связана не только с военными расходами. В начале 1930-х гг. в Маньчжурию хлынул поток японских колонистов, среди которых большую долю составляли безземельные крестьяне, получившие наделы от местных властей, практиче-

ски полностью контролировавшихся японскими военными. Численность японских переселенцев достигла к концу 1930-х гг. 500 тыс. человек [6, p. 169], помимо непосредственно солдат и офицеров Квантунской армии, которую частично комплектовали за счет маньчжуров, китайцев, корейцев и монголов. Нормы потребления среди японских гражданских и военных были выше, нежели у китайцев, что спровоцировало рост спроса на товары народного потребления, но при этом уменьшило их общий физический объем, практически отбросив реальное потребление товаров населением Маньчжурии на уровень ниже того, что был в 1930 г. [Ibid].

Далее, японцы столкнулись с таким явлением, как отсталость экономики Маньчжурии от норм метрополии, что потребовало крупных инвестиций, почти 1,5 млрд йен государственных и частных капиталовложений, две трети из которых пришлось на транспортную инфраструктуру. Эти крупные инвестиции были сделаны в основном в 1932–1939 гг. Разумеется, инвестиции в Маньчжурию шли в ущерб инвестициям в промышленность метрополии. Однако японские власти преследовали определенную цель — увеличить производство продовольствия в империи в условиях быстро росшей численности сельского пролетариата, особенно это было актуально после падения в 1932 г. спроса на японский шелк в США. Поэтому в сфере производства в Маньчжурии упор был сделан на сульфатные удобрения, для чего японцы построили мощный завод. Это вызвало снижение вывоза угля и проса в метрополию, так как значительные ресурсы страны были брошены именно на производство удобрений, а также соевых бобов [Ibid, p. 170].

Освоение новых территорий в Маньчжурии, особенно строительство на ее юге транспортной инфраструктуры, привели к кардинальному изменению платежного баланса этого протектората, у которого возник

отрицательный платежный баланс, хотя до 1932 г. он был положительным. В 1939 г. стоимость маньчжурского импорта составила 12,3 млн маньчжурских юаней, тогда как импорта — около 6 млн [6, р. 162]. Дефицит платежного баланса финансировался за счет японских банков. Если сопоставить суммы маньчжурского экспорта в Японию (менее 6 млн маньчжурских юаней в год) и объемы японских инвестиций в протекторат (в среднем по более 200 млн йен в год при национальном доходе около 25 млрд йен в 1937 г.), то получается, что Маньчжурия стала убыточным предприятием для японской экономики. А ведь японцам надо было еще финансировать отрицательный платежный баланс этой страны и содержать там крупный контингент войск. Помимо этого, до 1931 г. японские корпорации вложили в Китай солидные суммы инвестиций (большая их часть пришлась на северо-восточные провинции этой страны) — 1 136,9 млн дол. США в текущих ценах, что составило почти треть от всех иностранных инвестиций [3, р. 107]. Однако инвестиции в значительной степени до войны с Китаем концентрировались в текстильной промышленности — японцы контролировали 40,5 % этой отрасли уже к 1931 г. [Ibid, р. 108].

Большим эффектом для Японской империи стал в случае с оккупацией Маньчжурии тот фактор, что Китай лишился значительной части своего стратегического сырья. Потеряв Маньчжурию, Китай одним махом лишился 79 % железной руды, 93 % нефтедобычи, 55 % золотодобычи, 23 % электроэнергии, 41 % железнодорожных линий, 45 % каменного угля, 100 % и 76% соответственно свинца и цинка, 100 % алюминия, 100 % магния [Ibid].

Очевидно, наиболее крупные капиталовложения в Северо-Восточный Китай японцы сделали после оккупации Маньчжурии. Только в период с 1931 по 1933 г. включительно они составили 1 403 млн дол. США в текущих ценах [Ibid, р. 110], или около 5 990 млн йен, что

составляло больше пятой части среднегодового национального дохода Японии в 1930-е гг. и оказалось значительно больше, чем военные расходы империи в 1937 г. Если не брать в расчет добычу стратегического сырья, то инвестиции в китайскую экономику были едва ли выгодны рядовым японцам, поскольку их национальный капитал уходил в другую страну, где была более дешевая рабочая сила (не исключено, что хроническая бедность среди японских домохозяйств в 1930-е гг. объяснима во многом именно фактором роста инвестиций в Китай). Большая часть инвестиций, если провести сопоставление с данными по капиталовложениям японских компаний в Маньчжурию, пришлось на непосредственно подконтрольные еще Чан Кайши провинции, а затем на территории, оккупированные после инцидента на мосту Марко Поло. И здесь очевидна четкая разница между политикой Германии до и в начале войны и Японии: немецкие концерны редко делали инвестиции в страны, с которыми у Германии были плохие или прохладные отношения. Даже на оккупированных территориях активность немецкого бизнеса сводилась в основном к вывозу награбленного имущества и эксплуатации уже имевшихся там до войны производственных мощностей. Фашистский режим Италии до вступления этой страны во Вторую мировую войну проводил похожую на японскую политику в отношении колоний, однако итальянцы в Ливии и Эфиопии не стремились к созданию крупного промышленного потенциала.

Японское правительство в 1930-е гг. не знало, как выбить из населения дополнительные деньги на военные расходы, но в то же время поощряло инвестиции аффилированных с государством компаний в Китай. Эта парадоксальная политика едва ли понятна, если анализировать ее, исходя из чисто европейских критериев. Японская политика на Дальнем Востоке до инцидента на мосту Марко Поло все-таки склонялась больше к проведению стратегии «притягивания»,

принимая во внимания высокий социально-экономический разрыв между Японией и другими странами Азии. С другой стороны, Япония стремилась к завоеванию рынков британских колоний в Азии и Африке [4, р. 621]. Это указывает на Японию как на, скорее, коммерческую империю, если мы, конечно, говорим о периоде до начала войны с Китаем. Производившаяся в Японии и зависимых от нее территориях продукция уже к началу 1930-х гг. с трудом находила сбыт на внутренних рынках. Если немецкий бизнес при нацистах уже с 1933 г. стал наращивать инвестиции в тяжелую промышленность, то японские компании в начале 1930-х гг. по-прежнему считали производство товаров массового потребления приоритетным направлением, пытаясь посредством демпинга завоевать чужие рынки. В 1935 г. японский экспорт превысил на 70 % уровень 1929 г., к 1939 г. японцам удалось поставить под свой контроль 80% рынка хлопчатобумажных изделий в Восточной Африке [Ibid].

Словом, в 1930-е гг. японская военная политика была сконцентрирована в основном на Китае. Первичной целью экспансии Японской империи оставались все-таки рынки сбыта и территории для аграрной колонизации. Усиление позиций Японии в Маньчжурии было связано с необходимостью получения стратегического сырья для развертывания программы наращивания выпуска вооружений. На Японию давил рост численности населения, что вело к трансформации ее рынка труда и к усилению потребности в организации колонизации.

Заключение

Японский опыт экономического развития в межвоенный период показывает, что кейнсианская теория могла, на наш взгляд, работать на практике только в рамках государств Запада. Рост госрасходов, гонка вооружений, активное вмешательство государства в про-

цесс распределения инвестиций — все это не дало мультипликативного эффекта, потребление в японском обществе сокращалось, уровень жизни населения падал.

Япония в 1930-е гг. в какой-то степени напоминала СССР довоенных пятилеток. Существенное различие в социально-экономической сфере заключается в том, что японское правительство не стало проводить радикальных мероприятий вроде коллективизации, дефицит физического прироста занятости компенсировался повышением производительности труда и управления предприятиями тяжелой промышленности. В этом смысле японский вариант индустриализации показывает нам, чего мог бы добиться СССР без ультра-леворадикальных политических шагов во внутренней политике, хотя, конечно, японский внутренний строй тоже нельзя назвать либеральным. Ведь у Советского Союза, в отличие от Японии, была собственная сырьевая база уже изначально, как наследие Российской империи.

Список использованной литературы

1. Кошкин А. А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР / А. А. Кошкин. — М. : Вече, 2011. — 380 с.
2. Попов Г. Г. Поражения, которых могло не быть : эпоха мировых войн / Г. Г. Попов. — М. : Алгоритм, 2016. — 494 с.
3. Романова Г. Н. Усиление экономических позиций Японии в Северо-Восточном Китае в период оккупации (30-е годы XX в.) / Г. Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. — 2015. — № 3 (72). — С. 104–112.
4. Ampiah K. British Commercial Policies against Japanese Expansionism in East and West Africa, 1932–1935 / K. Ampiah // The International Journal of African Historical Studies. — 1990. — Vol. 23, no. 4. — P. 619–641.
5. Bloch K. How Strong is Japan? / K. Bloch // Military Affairs. — 1942. — Vol. 6, no. 1. — P. 27–35.
6. Deasy G. F. Recent Trends in Manchoukuoan Trade / G. F. Deasy // Economic Geography. — 1940. — Vol. 16, no 2. — P. 162–170.

7. Gao B. The State and the Associational Order of the Economy : The Institutionalization of Cartels and Trade Associations in 1931–45 Japan / B. Gao // Sociological Forum. — 2001. — Vol. 16, no. 3. — P. 409–443.

8. Hooks G. The United States of America : The second world war and the retreat from new deal era corporatism / G. Hooks // Organising Business for War: Corporatist Economic Organization during the Second World War / W. Grant, J. Nekkers, F. van Waarden (eds.). — NY ; Oxford : Berg, 1991. — P. 75–106.

9. Lund E. The Industrial History of Strategy : Reevaluating the Wartime Record of the British Aviation Industry in Comparative Perspective, 1919–1945 / E. Lund // The Journal of Military History. — 1998. — Vol. 62, no. 1. — P. 75–99.

10. Okazaki T. The supplier network and aircraft production in wartime Japan / T. Okazaki // The Economic History Review. — 2011. — Vol. 64, no. 3. — P. 973–994.

11. Senso keizai no zenshin [The Progress of War Economy] / ed. by J. H. Rengo. — Tokyo : Rengo Johosha, 1938. — 356 p. — (на яп. яз.)

12. Sheldon G. Luxury is the Enemy : Mobilizing Savings and Popularizing Thrift in Wartime Japan / G. Sheldon // Journal of Japanese Studies. — 2000. — Vol. 26, no. 1. — P. 41–78.

13. Shizume M. Sustainability of public debt: evidence from Japan before the Second World War / M. Shizume // The Economic History Review. — 2011. — Vol. 64, no. 4. — P. 1113–1143.

14. Showa keizaishi [Economic history of the Showa era] / ed. by H. Arisawa. — Tokyo : Nihon Keizai Shimbunsha, 1977. — 597 p. — (на яп. яз.)

15. Yasuba Y. Did Japan Ever Suffer from a Shortage of Natural Resources Before World War II? / Y. Yasuba // The Journal of Economic History. — 1996. — Vol. 56, no. 3. — P. 543–560.

Информация об авторе

Попов Григорий Германович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики, Московский технологический институт, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38-а; департамент экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Author

Gregory G. Popov — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Moscow Technology Institute, 38-a,

Leninskiy prosp, Moscow, Russian Federation, 119334; Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Попов Г. Г. Япония на пути к участию во Второй мировой войне: первые шаги мобилизации экономики и китайский вопрос / Г. Г. Попов // Историко-экономические исследования. — 2017. — Т. 18, № 1. — С. 103-124. — DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).103-124.

Reference to article

Popov G. G. Japan on the way to participation in World War II: First steps to mobilization of the economy and the China question. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 103-124. DOI: 10.17150/2308-2588.2017.18(1).103-124. (In Russian).